

Лу Чжаочжао не отрываясь смотрела на двух людей по диагонали напротив, которые постоянно общались.

Подперев подбородок обеими руками, она задумчиво произнесла:

— Вэнь Юань, тебе не кажется, что сегодня атмосфера между учителем Лу и учителем Гу немного другая?

Вэнь Юань поднял глаза от сценария.

По диагонали Лу Шанъянь и Гу Цинянь, как обычно, репетировали сцену.

— Не кажется.

— Как это может не казаться?!

Лу Чжаочжао невольно повысила голос. Почувствовав взгляды сотрудников рядом, она прикрыла рот и сухо хихикнула пару раз.

Когда все снова перестали обращать внимание, она потянула Вэнь Юаня за рукав и тихо начала объяснять:

— Смотри! Обычно, когда учитель Гу и учитель Лу сидят вместе, между ними расстояние примерно в вытянутую руку! А сейчас — всего один кулак! Ты понимаешь, насколько близко — один кулак?!

Вэнь Юань попытался вспомнить, нахмурился. Не помнил, но, наверное, и правда примерно так.

— И ещё! Только что я проходила мимо них и услышала, как учитель Гу назвал учителя Лу «Шанъянь»! Просто по имени! Это же так близко! Ещё вчера он очень вежливо говорил «учитель Лу»!

От бесконечных «учитель Лу» и «учитель Гу» у Вэнь Юаня уже кружилась голова.

— Ну просто обращение. Чего тут так удивляться?

Лу Чжаочжао подавилась словами и свирепо посмотрела на него:

— Замолчи! Не разговаривай со мной! Проклятый натурал!

— Но ведь ты сама только что со мной заговорила, — не удержался Вэнь Юань.

— Да! Я сама начала! — Лу Чжаочжао выговаривала каждое слово. — Но теперь я не хочу с тобой разговаривать! Пожалуйста, замолчи! Спасибо.

— А.

Лу Чжаочжао: «.....»

Какой же страшный грех она совершила, если небеса заставили её сидеть рядом с таким деревянным чурбаном, не понимающим намёков?

Мысленно выругавшись, Лу Чжаочжао снова посмотрела по диагонали.

И увидела, как Лу Шанъянь наклонился к уху Гу Циняня и что-то сказал. В следующую секунду Гу Цинянь улыбнулся.

Лу Чжаочжао снова подперла щеки руками, сама расплываясь в улыбке.

Мамочки! Ну какие же они подходят друг другу!!!

Лу Шанъянь, который как раз репетировал с Гу Цинянем, нахмурился и внезапно обернулся назад, но ничего подозрительного не заметил.

Гу Цинянь увидел, будто он кого-то ищет:

— Что случилось?

Лу Шанъянь отвёл взгляд:

— Всё время кажется, будто на нас кто-то смотрит.

Неужели на площадку пробрался сталкер-фанат?

Гу Цинянь огляделся:

— Чужих лиц на площадке не вижу.

Лу Шанъянь много лет жил под объективами, поэтому был особенно чувствителен к

направленным на него камерам и взглядам.

Он посмотрел на ожидавшего рядом Ши Вэя:

— Шито.

— Понял, брат Янь, — кивнул Ши Вэй и быстро ушёл.

Так это или нет, осторожность всё равно не помешает.

— О чём болтаете? — с улыбкой подошёл У Юн.

По одному его выражению Лу Шанъянь понял: что-то нужно.

— Режиссёр У, говорите прямо.

Улыбка У Юна застыла. Он повернул голову и сердито глянул на Лу Шанъяня:

— Ну почему ты, парень, такой несимпатичный?

Гу Цинянь не удержался от смеха, увидев, как У Юн споткнулся о его прямоту:

— Режиссёр У, всё нормально. Говорите.

— Кхм... — У Юн прочистил горло. — Вы знаете, когда немного стемнеет, мы собирались снимать сцену 23. Но реквизиторы по недосмотру забыли один важный предмет, а быстро сделать его не получится. Поэтому...

Остальное У Юн не договорил, но Гу Цинянь и Лу Шанъянь явно поняли смысл.

— Какую сцену меняем?

— Тридцать седьмую! — мгновенно ответил У Юн. — У 37-й и 23-й один и тот же фон. Даже если сегодня не снимем, всё равно завтра. Просто немного поменяем порядок.

Тридцать седьмая?

Если память не изменяет, это эпизод, где Ми Мулань в ярости перестаёт ходить вокруг да около и в конце силой целует Нань Сяня.

Гу Цинянь машинально повернулся к Лу Шанъяню.

Хотя на пробах тот вроде бы не проявлял отторжения к сцене с поцелуем.

Но тогда снимали с подменной ракурса, а сегодня поцелуй будет настоящий.

Причём с языком.

Гу Цинянь открыл сценарий и опустил взгляд на текст.

— Цинянь?

— Мм? — Гу Цинянь пришёл в себя и только теперь обнаружил, что У Юн уже ушёл.

Лу Шанъянь посмотрел на его отсутствующее выражение, затем на сценарий в руках.

Слегка приподнял брови:

— Учитель Гу, вообще-то целуюсь я довольно хорошо. Не нужно так... тревожиться.

— Я не это имею в виду, — хотя Гу Цинянь понимал, что Лу Шанъянь опять шутит, уши всё равно стало жарко.

— Ладно, шучу.

Лу Шанъянь перестал улыбаться и серьёзно спросил:

— Ты... не против, если я тебя поцелую?

Сформулировано было предельно прямо. Гу Цинянь не удержался от смеха:

— Ты у нас натурал. Как думаешь, я, гей, буду против?

— Логично, — Лу Шанъянь крайне серьёзно кивнул. — Если так посмотреть, в проигрыше и правда я.

— Тогда, Цинянь, компенсируешь мне?

— Как?

— Когда будешь кусать, пожалуйста, помягче. Я боюсь боли.

Сначала Гу Цинянь не понял, о чём речь, но, встретившись с глазами Лу Шанъяня, полными улыбки, вспомнил.

В 37-й сцене Ми Мулань силой целует Нань Сянь, а Нань Сянь в ответ сопротивляется и кусает Ми Муланя.

Этот человек...

Теперь Гу Цинянь окончательно понял: пока Лу Шанъянь с тобой не знаком, он вежливый, дистанцированный и страшно серьёзный.

А стоит сблизиться — говорит прямо и иногда позволяет себе маленькие словесные пакости.

— Лу Шанъянь, — беспомощно произнёс Гу Цинянь.

— Ладно, не дразню, — улыбка в глазах Лу Шанъяня исчезла, выражение стало намного серьёзнее. — Неважно, что ты гей, а я натурал. Внутри фильма ты — Нань Сянь, я — Ми Мулань. Мы любим друг друга, и для нас поцелуй или секс должны быть прекрасными вещами.

— Поэтому, учитель Гу, тебе стоит доверять моему профессионализму.

Гу Цинянь неподвижно смотрел на него. Он не ожидал, что Лу Шанъянь на самом деле понял, чего он боялся.

Лишь спустя некоторое время опустил глаза и тихо рассмеялся.

— Это я слишком узко мыслил.

— Угу, — Лу Шанъянь встал. — Я схожу в туалет.

— Хорошо.

Гу Цинянь смотрел ему вслед, пока фигура не отделилась.

Уголки губ сами собой поднялись.

Хотя этот человек любит иногда слегка похулиганить, в глубине души он очень внимательный и мягкий.

<http://bllate.org/book/20786/2087163>